

Цзян Хуайли простоял на коленях перед входом во дворец уже более шести часов.

Под палящим солнцем его одежда насквозь пропиталась потом, но поднявшийся к вечеру прохладный ветер высушил её. Румянец от жары сошёл с лица, оставив лишь болезненную бледность, а губы потеряли всякий цвет, превратившись в сухую белую линию.

Проходящие мимо евнухи и дворцовые служанки всякий раз, заведя эту прямую, худую спину, лишь бросали робкий взгляд и поспешно ускоряли шаг.

Чиновники были смелее: они могли позволить себе перекинуться парой слов, а в полдень, почуяв неладное, даже любопытствовали у мелких евнухов, что же произошло. Сейчас же, вероятно, вся столичная знать уже была в курсе событий.

Утром Император даровал Цзян Хуайли брак с Ван Ланем.

Получив указ, Цзян Хуайли сразу же отправился во дворец и опустился на колени прямо там, где стоял, не поднимаясь до самого вечера. Его намерения были очевидны.

Министры, приходившие во дворец по делам, реагировали по-разному, но в душе каждого читалось сочувствие.

Цзян Хуайли происходил из знатного клана Цзян. С самого детства он был компаньоном Четвёртого принца, свободно входил в императорские покои, а Император не раз, погладив его по голове, осыпал похвалами.

Три года назад, в возрасте пятнадцати лет, Цзян Хуайли принял участие в Столичном экзамене, проводимом Министерством ритуалов, и занял первое место. Его сочинение привело Императора в такой восторг, что его зачитывали при дворе, а имя юноши прогремело на всю столицу.

Тогдашний наставник Цзян Хуайли, Младший наставник Цинь, счел его слишком юным для государственной службы и не допустил до Дворцового экзамена, однако даже так его блеск затмил тридцатисемилетнего Чжуаньюаня, проезжавшего тогда по улицам с триумфом.

В тот год ему было всего шестнадцать, и он уже был всенародно признан будущей опорой империи.

Среди столичных девиц даже ходила поговорка: Пять тысяч кандидатов едут в столицу, но никто из них не сравнится с одним лишь взглядом господина Цзяна.

Но как же вышло, что этот гениальный юноша вдруг затерялся в толпе и угас?

Пошел дождь. Холодные капли били по ногам, но Цзян Хуайли уже ничего не чувствовал — конечности давно онемели. Сквозь затуманенную дождем пелену он смотрел на закрытые двери главного зала, где застыли стражники-евнухи.

Прошел ещё час, а картина не менялась. Дворец, окутанный дождем, казался холодным и безмолвным.

Чжаожун Цзян пришла в спешке. На её платье виднелись следы дождя, особенно много их было на лице — капли воды, стекавшие с бровей и уголков глаз, напоминали слёзы.

Её зонт был опущен слишком низко, скрывая лицо, но Цзян Хуайли видел, как дрожат её руки. Вскоре она отбросила зонт, оттолкнула зонт служанки и, опустившись на колени, припала к влажной холодной земле.

В империи Дашэн однополые связи не запрещались, и многие простолюдины брали в жены мужчин. Конечно, среди знатных семей редко кто выдавал замуж сыновей, но здесь речь шла об императорском указе. К тому же, он шел туда не наложником, а законным супругом принца.

Неудивительно, что Император все больше к нему охладевал.

После тех событий он отправился в странствие, и когда достиг западных границ Дашэн, как раз началось вторжение Сиху. Вместе с молодым генералом Чжоу он разработал хитроумный план, позволив армии захватить два вражеских города. Император был в восторге и даровал ему титул самого юного уездного хоу в Дашэн.

Никто в точности не знал, в какой момент он превратился в обычного человека. Некоторые пытались анализировать: Цзян Хуайли кичился своим талантом, не ведал приличий и не умел ценить доброту.

Цзян Хуайли все ещё стоял на коленях, его одежда, которая успевала просохнуть, вновь намокла — теперь уже до последней нити.

Когда же это началось? Помощник министра финансов пытался вспомнить, хмурясь. Кажется, около года назад? Он не мог сказать точно.

Начался ливень, и чиновники поспешили укрыться.

Грянул гром, и холодные струи воды ударили по лицу.

— Госпожа, — голос Цзян Хуайли, долго молчавшего, звучал сухо и надтреснуто.

Раскаты грома разрывали небо.

— Госпожа, не нужно...

Крики служанок и евнухов заглушили его слова. Евнухи, охранявшие зал, наконец зашевелились. Они не решились бы рисковать ради Цзян Хуайли, но Чжаожун Цзян, пользующаяся великой благосклонностью Императора, — совсем другое дело. Один из евнухов немедленно бросился докладывать Императору.

— Неужели Цзян Хуайли в самом деле посмел ослушаться указа! — Император, весь день копивший гнев, взорвался, услышав, что Чжаожун Цзян тоже стоит на коленях под дождем. Его ярость, слившаяся с громом, заставила перепуганного евнуха дрожать всем телом. — Ступай и скажи Цзян Хуайли: хочет он того или нет, но брак состоится!

Покричав ещё немного, он всё же взял зонт и вышел.

Едва Император появился, как Чжаожун Цзян вцепилась в подол его халата:

— Ваше Величество, Хуайли не может... он не может выйти замуж за Ван Ланя. Умоляю, возьмите указ назад!

Чжаожун Цзян всегда была любимицей Императора и матерью Четвёртого принца. С тех пор как она родила сына, Император, пусть и не мог даровать ей более высокий статус, никогда не заставлял её стоять на коленях. Увидев её в таком униженном положении, он не почувствовал жалости — лишь ещё больше разозлился.

— Даже ты считаешь, что я неправ? — он смотрел на неё тяжелым взглядом и ледяным тоном отдал приказ: — Этот брак должен состояться. Если только ваш клан Цзян не решил поднять мятеж.

Император, который держал над ней зонт, с силой высвободил свой подол и зашагал прочь.

Чжаожун Цзян бессильно опустилась на землю и растерянно посмотрела на Цзян Хуайли:

— Хуайли...

Цзян Хуайли отозвался немедленно:

— Я здесь.

Чжаожун Цзян была двоюродной сестрой его отца, и Цзян Хуайли звал её тетушкой. Она была матерью Четвёртого принца, а он — его компаньоном. С самого детства всё, что она дарила принцу, доставалось и ему.

Особенно после смерти матери Цзян Хуайли, тетушка всегда относилась к нему как к родному, и он отвечал ей тем же.

— Я говорила тебе, я ведь предупреждала, — Чжаожун Цзян, то ли от гнева, то ли от обиды, вонзила пальцы в щели между каменными плитами. — Тебе следовало участвовать в Дворцовом экзамене ещё в пятнадцать лет. В истории Дашэн немало примеров, когда юноши поступали на службу в таком возрасте. Если бы ты стал опорой трона, разве Император заставил бы тебя выходить замуж за Ван Ланя?

Цзян Хуайли открыл рот, но понял, что за долгие часы под солнцем не только его губы пересохли — горло тоже, и он не мог произнести ни слова.

— Это всё твоя вина! Почему ты меня не слушал? Или слова женщины из гарема для тебя ничего не значат? Или ты тоже презираешь меня! Знаешь ли ты, что значит твой брак с Ван Ланем?

Цзян Хуайли больше не проронил ни слова. К таким упрёкам он уже привык, став к ним совершенно равнодушным.

За последний год, казалось, всё пошло не так. Что бы он ни делал и как бы ни старался, в его действиях неизменно находили изъян. А когда ошибок стало слишком много, это превратилось в неприязнь, а затем — в потерю всего. Кем бы он ни был любим раньше, теперь один за другим люди отворачивались от него.

Сначала отец, потом дед, дядя, наставник, младшая сестра, сводные братья, Император... теперь вот и тетушка, Чжаожун Цзян.

Цзян Хуайли моргнул сухими глазами, перестав реагировать на звук. Возможно, вода попала в уши, и теперь весь мир, всё вокруг утопало в мутной пелене.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем его кто-то рывком поднял. Увидев перед собой разъяренного отца, он с трудом начал разбирать звуки.

Император, в конечном счете, не вынес вида Чжаожун Цзян под ливнем и вскоре после своего ухода велел доставить её в покои.

Что же касается Цзян Хуайли, Император приказал:

— Пусть Цзян Хаоянь придет и заберет своего «дорогого» сына.

Цзян Хаоянь, напуганный и ошеломленный, поспешно прибыл во дворец. По дороге он узнал от евнухов о случившемся и пришел в такую ярость, что едва не лишился чувств. Если бы его не удерживали, он бы, пожалуй, отвесил сыну пощёчину.

— Ты слышишь меня?! Негодный сын, ты так решил пренебречь собственным отцом!

Когда Цзян Хуайли поднял глаза и всмотрелся в него, он услышал:

— Ты хочешь погубить весь клан Цзян?!

Слугам вход во дворец был заказан. Император вызвал именно Цзян Хаояня, и тот, боясь снова разгневать государя, не взял с собой никого из родных, явившись за сыном в одиночку.

Он с силой рванул Цзян Хуайли на себя. Ноги юноши за четыре часа стояния на коленях полностью онемели. От резкого движения они подкосились, как две мягкие тофу, и отозвались острой болью, словно от тысяч игл. Цзян Хуайли пошатнулся и рухнул на отца.

Юноша был худощав, но его рост делал его достаточно тяжелым для немолодого уже чиновника. Цзян Хаоянь тоже покачнулся, и их путь сквозь проливной дождь к выходу выглядел крайне жалко.

Стражники и евнухи хотели помочь, но Цзян Хаоянь, дороживший своей репутацией, отмахнулся. Глава Министерства ритуалов еще никогда не чувствовал себя таким опозоренным. Как только они добрались до кареты, та сорвалась с места, словно в неё вселились бесы.

Внутри экипажа находился еще один человек — двоюродный брат Цзян Хуайли, Цзян Хун.

— Кузен, вид у тебя довольно жалкий, — насмешливо оглядел его Цзян Хун, не утруждая себя тоном почтения.

Впрочем, его слова звучали неуверенно. Снаружи лил дождь, и любой человек, промокший до нитки, выглядел бы нелепо, как Цзян Хаоянь. Но Цзян Хуайли, несмотря на насквозь промокшую одежду, не выглядел жалко.

Мокрая ткань плотно облепила тело, прядь волос прилипла к уголку глаза, а бледное лицо, омытое дождем, казалось ещё прекраснее, обнажая ту красоту, которую он в обычное время старался скрывать.

Капля воды скользнула по ресницам. Он поднял глаза на Цзян Хуна, и в его ясном, холодном взгляде читалось нечто такое, что заставило того подумать: даже если бы ноги кузена были безнадежно искалечены, Цзян Хун никогда не увидел бы в нем ни грамма слабости.

Цзян Хун, пришедший сюда в надежде на зрелище, встретившись с этим взглядом, невольно вспомнил ту фразу, которую уже давно никто не произносил:

Пять тысяч кандидатов едут в столицу, но никто из них не сравнится с одним лишь взглядом господина Цзяна.

Он стиснул зубы, проклиная мир за то, что в нём нет способа изменить внешность.

Цзян Хуайли не проронил ни слова. Цзян Хун, поддерживая на лице улыбку, продолжил:

— В Цинчжоу говорили, что кузен всегда действовал расчетливо и предусмотрительно. Как же ты мог совершить такое сегодня? Неужели у тебя затаилась обида на нас, и ты хочешь погубить весь наш клан?

Услышав это, Цзян Хаоянь тут же обернулся к сыну:

— Хуайли, неужели ты в самом деле затаил обиду и намеренно пошел против воли Императора?

После слов Цзян Хуна эта мысль показалась ему всё более вероятной. За последний год у Цзян Хуайли ничего не получалось, он только раздражал окружающих, и семья относилась к нему всё суровее, постоянно критикуя и отдаляясь. Вполне могло быть, что он затаил злобу.

Это происшествие действительно бросило тень на весь особняк Цзян.

Евнухи шептались, что из-за этого случая Император даже отчитал Чжаожун Цзян. Что уж говорить о самом Цзян Хаояне — слова Императора «хороший сын» ясно давали понять степень его недовольства.

Промокший до костей Цзян Хуайли запоздало почувствовал холод. Он понял: в глазах отца любое его действие теперь будет ошибкой. Тем не менее он спросил:

— Неужели я не должен был бороться и должен был покорно согласиться на брак с Ван Ланем?

— Почему нельзя было просто подчиниться? Мы и так уже опозорены перед людьми, почему ты продолжаешь устраивать сцены? Тебе мало того, что мы стали притчей во языцех?

Как Глава Министерства ритуалов, Цзян Хаоянь готовил свадьбы императоров и принцев, но не думал, что однажды ему придется готовить приданое для собственного сына. Он понятия не имел, как завтра посмотрит в глаза коллегам и подчиненным.

— Ты... как же ты стал таким!

Многие говорили Цзян Хуайли, что он изменился. Слишком многие. В полудреме, посреди ночи, он иногда задавался вопросом: может, он и правда изменился? Может, его ненавидят те, кто когда-то любил, лишь потому, что он стал никчемным и потерял прежний блеск?

Он снова и снова перебирал свои поступки, сравнивая прошлое и настоящее.

Но каждое утро, с восходом солнца, он обретал уверенность: это не он изменился, изменились другие. И он не знал причины.

Цзян Хуайли тихо выдохнул:

— Отец, вы помните, как меня зовут?

— Что? — Цзян Хаоянь растерялся.

— Вы помните, как объясняли мне значение моего имени?

Цзян Хаоянь помнил.

Это было весенним днем, когда Хуайли исполнилось три года. Он только переступил порог дома, как маленький Хуайли примчался к нему с листком бумаги.

Это было его первое стихотворение.

Цзян Хаоянь пришел в такой восторг, что, забыв о строгих правилах клана, подхватил сына на руки и поцеловал. Он отнес его в кабинет и, обхватив маленькую ручку, помог вывести свое имя под строками стихов.

— Хуайли, ты знаешь, что означает твое имя?

Маленький Хуайли поднял голову, глядя на него своими прекрасными, широко распахнутыми глазами.

Гордость и удовлетворение переполняли отца. Глядя на своего одаренного сына, он с твердостью в голосе произнес:

— Цзян — это наш столетний знатный род. Хуайли — это сердце, обращенное ко всему миру, и верность народу.

Он не знал, понял ли трехлетний мальчик его слова, но сын долго смотрел на написанные буквы.

Он помнил это по сей день.

Голова Цзян Хаояня отозвалась тупой болью, словно в неё проник ядовитый туман.

— Не говоря уже о том, что Ван Лань безумен и жесток, — тихо произнес Цзян Хуайли. Его худощавое тело дрожало в грязной промокшей одежде, а на коленях проступила кровь,

расцветая алыми пятнами на белом халате. Губы его были белее полотна, и он выглядел настолько хрупким, что казалось, вот-вот потеряет сознание. — Склонить голову под мужчиной, запертым в задних покоях — как это может соответствовать моему имени?

— Цзян Хуайли не выйдет замуж.

<http://bllate.org/book/21320/2163024>